

Близится к концу первая седмица Великого Поста. В жизни каждого православного христианина это один из самых благодатных и трудных моментов. Почти целый год мы живем разными суетными заботами, несмотря на постоянные призывы Церкви «всякое <...> житейское отложить попечение». Все, что связано с Богом мы постоянно откладываем на потом. Потакая своим прихотям и безраздельно отдавая себя «важным» сиюминутным заботам, мы не замечаем, какая тяжесть с каждым днем все больше и больше наваливается на нас.

И вот наступает это самое «потом», великопостное время, дальше которого откладывать нельзя. Наконец-то мы открываем Богу свое исстрадавшееся по Нему сердце и... тут-то мы понимаем, какой страшный груз волокли за собой весь год, не останавливаясь ни на минуту, чтобы чуть-чуть от него освободиться. Стоило хотя бы на несколько дней средоточию наших интересов переместиться с повседневных забот на Бога – и этой тяжести как не бывало: «яко исчезает дым, <...> яко тает воск от лица огня». И тело наше наполняется легкостью, а душа – радостью. Только сейчас, с огромным опозданием, мы понимаем, чего лишили себя вне общения с Богом. Впервые после долгой зимы, распахнув глухие ставни своей души, мы вдыхаем полной грудью благодатный свежий весенний воздух.

Но вместе с воздухом внутрь вливается и яркий солнечный свет. Вдруг мы с ужасом обнаруживаем, сколько грязи и хлама скопилось в нас. В течение первых четырех вечеров Поста в чтении Великого Покаянного канона Андрея Критского нам открывается 250 способов взглянуть со стороны на нашу душу. С каждым таким взглядом нам открывается все более и более удручающая панорама: » Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем» (Ис. 1,5-6). Недолго и отчаяться.

Но тот же врач, который болезненно вскрывает наши загноившиеся раны, дает нам и лекарство. Уже с первых слов последней части канона преподобного Андрея, читаемой в черверг, это становится ясным: «Агнче Божий, вземляй грехи всех <...> Тебе припадаю Иисусе, согреших Ти, очисти мя <...> покаяния время, прихожду Ти, Создателю моему» – с рефреном «возми бремя от мене тяжкое греховное». Вот тот елей, смягчающий наши

раны: Христос, «страсти плоти моя умертвивый Крестом Божественным». Эта истина многократно повторяется в Богослужении пятницы первой седмицы Великого Поста.

Однако стоп! Приходится честно признаться: ничего нового для нас в этих словах нет; любой человек, кто хотя бы изредка посещает храм, слышал что-то подобное множество раз во все дни богослужебного года. Христос, Крест, Воскресение, Страсти, Спасение – эти и многие другие слова из церковного обихода мы используем в повседневной жизни как формулы, безликие, ничего не значащие коды. Если кто спрашивает: «Как спастись?» – мы автоматически отвечаем: «Христос должен стать центром нашей жизни,» – или нечто подобное. Попробуем задуматься, что это означает на деле – «Христос в центре нашей жизни». Может быть большая икона в красном углу? – это мы делаем. Может почаще и погромче употреблять Его имя? – и это тоже. Список православных культурных стереотипов можно продолжать бесконечно. Но в глубине души мы понимаем, что следование ни одному из этих стереотипов ни на шаг не приближает нас ко Христу и тем более не помещает Его в центр нашей жизни. Но как же нам все-таки приблизиться к Нему? Неужто мы опять вернулись к безнадежному отчаянию?..

Итак, мы успешно приближаемся к концу первой седмицы. Позади 4 повечерия с канонами, две Литургии Преждеосвященных даров. А что впереди? Глаз привычно прыгает на красный день календаря. Воскресенье – Торжество Православия. Торжество?!? Постойте. Мы только что осознали свою глубокую греховность, потом вспомнили о существовании лекарства от нее, которое, как выяснилось, мы не умеем использовать – и вдруг торжествуем победу. Мы уже исцелены? Как и когда это случилось? Может быть это Торжество не для нас, а для избранных святых? Остается чувство глубокого недоумения, которое не рассеется даже после воскресной Литургии.

Увы, большинство мирян, в силу своей загруженности, могут позволить себе зайти всего несколько раз в храм даже в течение такой чрезвычайно важной церковной недели. Приходится выбирать. И из года в год мы скачем из неразрешенных вопросов начала седмицы сразу в торжественность воскресенья. А вопросы так и остаются без ответа. Где же его искать-то? Вернемся к календарю: четверг, пятница... воскресенье. Да-с, что-то мы пропустили... Ага, суббота: «В сий день в субботу первую постов, еже коливами преславное чудо святого и славного великомученка Феодора Тирона празднуем.» Что за Феодор Тирон, что за коливо, что за чудо?

Любой мало-мальски грамотный православный христианин в общих чертах знает историю празднуемого в эту субботу события. Из чтения Постной Триоды мы знаем, что в

Константинополе император Юлиан замыслил обманом осквернить христиан и приказал окропить всю пищу на рынке идоложертвенной кровью. Тогда к архиепископу Евдоксию послал Господь святого. Он предупредил архиерея о замысле градоначальника и рассказал, что кушать они могут кашу из зерен пшеницы, взятой из неоскверненных зернохранилищ. Коливо, как называли эту кашу в местах, откуда происходил святой. Распросив его и узнав, что пред ним посланник Божий, великомученик Феодор Тирон, архиепископ сразу же последовал его совету и уберег христиан от осквернения.

Святой великомученик Феодор Тирон

Сюжет этот при поверхностном прочтении больше похож на сказочный, даже мультипликационный вымысел, где Юлиан, словно одна из вредливых мышек, творит мелкие козни коту Леопольду-христианам. На сцене появляется супергерой, и все заканчивается хэппи эндом. Но эта история стоит того, чтобы в ней разобраться.

Если мы взглянем в нее, то увидим, что император Флавий Клавдий Юлиан (332 – 363 по Р. Х.), племянник равноапостольного Константина Великого – фигура совсем нетривиальная. Он был очень трудолюбивым человеком, обладавшим высочайшим интеллектом. В отличие от большинства римских и византийских императоров, до принятия венца у Юлиана не было никакого военного или административного опыта. Свою жизнь он посвятил получению фундаментального образования и философским поискам истины. Когда Юлиану было всего лишь 5 лет, ему пришлось пережить зверское убийство своего отца и старшего брата, погибших в результате интриги Констанция, одного из сыновей святого Константина, недостойных славы своего великого отца.

Сыновья Константина, озабоченные разделом сфер влияния в империи, ревниво следили за всеми возможными конкурентами. Поэтому большую часть своей жизни Юлиан провел под домашним арестом или в изгнании. Трагедия его жизни возбудила в нем ненависть к семье своего дяди и всему, что с ней связано, в том числе и к христианству. С другой стороны, в результате классических студий в будущем императоре развилось восхищение античной культурой и, как следствие этого, романтическая привязанность к язычеству, приверженцем которого он и стал сначала тайно, а затем открыто. За это в историю Юлиан вошел с прозвищем Отступник.

В результате сложных политических коллизий Констанцию, оставшемуся во главе империи в одиночку, самому пришлось назначить Юлиана своим со-правителем, но вначале это было не более чем номинальным титулом. Однако Римская империя была слишком большой для одного правителя и через недолгое время Юлиан смог прочно закрепиться как император Запада, в то время как интересы Констанция лежали в восточных территориях. Это неизбежно приводило двоюродных братьев к конфликту, если бы не еще одна прихоть судьбы: в самом зародыше войны между императорами-соперниками Констанций скоропостижно скончался.

Став единовластным императором, Юлиан получил возможность воплотить в жизнь свои политические и религиозные идеалы, которые он холил и лелеял всю жизнь. Главнейшим из них он считал восстановление язычества как доминирующей религии империи и искоренение христианства. В этом молодой император видел ключ к восстановлению былого величия Римской империи. Но он был слишком умен для того, чтобы просто начать новую волну гонений подобно языческим императорам прошлых лет. Юлиан отлично знал историю империи и, к тому же, был воспитан среди христиан, а потому прекрасно знал о подвигах мучеников и о том, что мученичество только привлекает в христианство больше людей. Поэтому и решил действовать хитростью.

Примером такой хитрой политики была попытка возрождения конфликта между православными христианами и представителями арианской ереси. К началу правления Юлиана Отступника ариане одержали в Церкви почти безоговорочную победу. Наиболее активные защитники Православия находились в изгнании. Император Юлиан полностью восстановил в правах всех православных, среди которых был и Афанасий Великий, надеясь спровоцировать бурное, а может даже кровавое столкновение сторон. В результате этого христианство было бы ослаблено и дискредитировано. Он бы очень огорчился, если бы узнал, что в этом он не только не достиг своей цели, но, по удивительному промыслу Господню, положил начало возрождению Православного Богословия, и тем самым помог укрепиться росткам того, что мы сейчас празднуем как Торжество Православия.

Конечно, благодаря его изворотливому уму, не все козни Юлиана были неудачными. Христианству пришлось бы сильно пострадать, если бы не Персидская кампания 363 года, в одном из сражений которой амбициозный император-язычник был убит, не доведя срок своего правления даже до двух лет. По легенде его последние слова были обращены ко Христу: «Ты победил, Галилеянин!»

Но вернемся к той неудачной хитрости императора Юлиана, которой посвящен наш рассказ. Теперь, когда мы разобрались с тем, кем был Юлиан Отступник, мы должны понимать, что история с окроплением продуктов кровью не могла быть мелкой пакостью. Император был прекрасно осведомлен обо всех тонкостях христианского вероучения и знал, что время Великого Поста наилучшим образом подходит для провокаций против христиан. Он также понимал, что, следуя заповедям апостолов христиане «воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови» (Деян. 15,20). Поэтому тайное окропление пищи на всех рынках столицы империи кровью животных, принесенных в жертву языческим богам, именно в первую седмицу Великого Поста было точным и выверенным ударом.

Мы не можем знать всей полноты неудавшегося замысла, но можно предположить, что после того как все христиане вкусят нечистой пищи, Юлиан планировал публично огласить, что христиане осквернили себя в самые святые для них дни. Эта скандальная новость не только нанесла бы тяжелый удар по репутации христиан, но и наверняка вызвала бы всевозможные смятения от нестроений в Церкви до общественных беспорядков. А это в свою очередь открывало для императора простор для дальнейших манипуляций вплоть до репрессий.

«Но всевидящее Божие око, запинаящее премудрия в коварстве их, и о нас рабех своих присно промысляющее, и на нас гнусная коварства преступника разруши.» Таким образом, событие, которое мы вспоминаем в канун праздника Торжества Православия, наглядным образом показывает заботу и бережное отношение к нам Спасителя. К тому же эта история учит нас разумной мере поста. Казалось бы в сложившейся ситуации выбор состоит только из двух вариантов: либо есть оскверненную еду, как сказано у апостола (1Кор. 10,25), либо не есть вообще. И то, и другое возлагало бы на людей «бремена неудобноносимые».

В первом случае искушения от удавшейся императорской интриги, во втором – непосильное испытание голодом. Почти наверняка и в первом, и во втором случае большинство христиан не было бы готово к такому подвигу. Но Господь, в милосердии и мудрости Своей, устами великомученика Феодора Тирона, предложил третий путь – кашу из вареной пшеницы, о которой большинство бы не сразу вспомнило – о необработанном сырье обычно не думают, как о доступном источнике пищи. А это блюдо и сытное, и постное.

Необходимо обратить внимание на то, что исход этой ситуации был определен не сверхъестественным вмешательством, а свободной волей народа Божьего. Важной фигурой в этой истории предстает архиепископ константинопольский Евдоксий. Явление ему Феодора Тирона было во сне. Проснулся епископ на следующее утро и задумался. Перед ним было три пути. Во-первых, он мог не обратить внимания на этот сон, либо счесть его бесовским наваждением, и потому не предпринять ничего.

Во-вторых, епископ мог поверить Божественному посланнику, но по маловерию своему подойти к ситуации прагматично и не обнародовать видение – либо испугавшись императорского гнева, либо из опасений быть осмеянным. Но Евдоксий выбрал третий путь и смиренно выполнил послушание. А теперь представим себе, какой глубиной веры, каким доверием к Господу и чувством ответственности за свою паству должен был обладать этот совсем не идеальный, не святой, а, как говорит нам Троица, «неправый и

неправославный человек», чтобы не соблазниться! Несмотря на свои грехи, в главном он сделал правильный выбор.

Но даже после верного выбора архиепископа ситуация легко могла не разрешиться положительным образом. Проведем мысленный эксперимент и представим на минутку, что все это происходит в наши дни. В начале Поста Патриарх обращается к нам по телевизору и говорит о том, что ему приснился якобы вещий сон, и в силу этого он просит нас некоторое время, а может быть и до конца Поста ограничить свое меню одним единственным блюдом – кашей из пшеницы. А для подавляющего большинства из нас каша из нелущеной пшеницы окажется совсем не по вкусу! Трудно точно предсказать, как отреагировало бы на такое предложение современное христианское общество, но сразу поверивших и безоговорочно и смиренно принявших это послушание были бы единицы. Но ведь именно такая реакция была необходима, чтобы разрушить козни императора и не посрамить свою веру Христову!

Получается, что чудо здесь не только само явление великомученика Феодора, но и то, что и архиепископ, и все константинопольские христиане поверили и приняли это явление вопреки здравому смыслу. Не последнюю роль сыграл здесь и выбор Божественного посланника. Казалось бы, закономернее увидеть в этой роли ангела или хорошо известного Евдоксию святого, например, апостола. Но Господь посылает именно великомученика Феодора. Почему? Ответ мы с легкостью найдем в его житии.

Давайте внимательно вчитаемся в него. Мы видим, что Феодор вряд ли был седовласым мужем, а скорее очень молодым человеком. В те далекие времена возраст новобранцев (а прозвище святого «Тирон» как раз и означает «новобранец») часто составлял 15-16 лет, как мы говорим сейчас, – переходный возраст – с присущей ему все еще детской наивностью, открытыми, чистыми, высокими порывами, юношеским максимализмом, активным романтизмом, необузданной радостью и бравადой. Из жития мы видим, с каким рвением Феодор уговаривает других христиан держаться до конца, насколько быстро и смело он поджег языческий храм, когда его отпустили на поруки, наконец, как прямолинейно и твердо он разговаривал с судьей.

Феодор происходил из знатной семьи. Его отец занимал вероятно очень высокое положение. Об этом свидетельствует то, что высокопоставленные чиновники города упрашивали Феодора принести жертву хотя бы формально. Требовалось немного: бросить в курильницу перед идолом несколько зернышек заранее приготовленного жрецом ладана или скушать маленький кусочек из даров, принесенных языческому божееству. Обряд этот был в большинстве случаев лишь незначительной формальностью

и носил скорее государственный, чем религиозный характер. Если вспомнить, сколько разного рода формальностей, иногда со странным или совершенно непонятным смыслом, мы в наши дни выполняем, живя в том или ином государстве, то можно со стопроцентной убежденностью утверждать, что, попади мы в те далекие времена, мы выполняли бы этот обряд, не задумываясь о его смысле. Как выполняло его и подавляющее большинство тогдашних жителей Римской империи, включая в их число многих христиан. Ведь когда делаешь что-то столь незначительное, очень просто найти удобную отговорку или сослаться на присущую всем людям греховную слабость, в которой позже принести кажущееся даже нам самим неподдельно искренним раскаяние...

Напомним, что мученичество Феодора было в 306 году по Р.Х., всего за несколько лет до того, как гонения на христианство были прекращены, а затем оно и вовсе стало государственной религией. В общем-то, в те времена люди уже не особенно верили в придуманных ими языческих богов. Чиновники были готовы простить Феодору даже сожженного идола и его дерзкое поведение во время разговора с судьей. Но молодой солдат стойко держался своей веры.

Из-за этого государственные служащие оказались в весьма неприятном, затруднительном положении. С одной стороны, они должны были выполнять инструкции и казнить молодого христианина, а значит навлечь на себя гнев со стороны его влиятельной семьи; с другой стороны невыполнение предписаний им самим грозило как минимум тюремным заключением. Судья пытается надавить на гордыню Феодора и противопоставляет положение Феодора позорной смерти Христа.

Святой Димитрий Ростовский в жизнеописании мученика пишет:

*«Мучитель, удивляясь такому мужеству и терпению святого Феодора, сказал ему:
— Неужели ты, сквернейший из всех людей, не стыдишься уповать на Человека, названного Христом, Который Сам был казнён бесчестной смертью? Неужели ты ради Сего Человека так безрассудно подвергаешь себя мукам?»*

Христов мученик отвечал на это:

— Пусть выпадет на мою долю и на долю всех призывающих имя Господа Иисуса Христа такое же бесчестие!

Тогда народ стал кричать и требовать, чтобы скорее была совершена казнь над святым Феодором.»

Но мученичество святого не было юношеской бравадой, как может показаться вначале. Он сознавал последствия своих слов и поступков. В тюремной камере он молился и славил Бога, и ангелы были вместе с ним. Одной из последних фраз, сказанных мучеником судье в ответ на вопрос: «Что хочешь: быть с нами или со Христом твоим?» — было: «Со Христом моим и есть и буду, а прочее твори как хочешь!»

Теперь становится понятным, почему именно великомученик Феодор, спустя примерно 50 лет после своей кончины, явился архиепископу Евдоксию. На фоне человека, который пожертвовал жизнью ради того, чтобы не съесть даже крошки идоложертвенной пищи, вопрос о том, пожертвовать ли ради того же самого всего лишь комфортом привычной трапезы, становится ничтожным. Это понял и архиепископ и, с его слов, константинопольская паства.

Очень часто мы читаем и воспринимаем житие любого мученика как определенную схему, разумно, рационально. Будучи поглощенными своей реальностью, жизненными заботами, суетой, вечеринками и торжествами, мы отказываемся поверить, что кто-то может отвергнуть все это, просто и твердо сказать «нет» и принять смерть. Какую стойкость и удивительную веру, доверие и ясность надо иметь, чтобы не испугаться угроз и добровольно пожертвовать самым дорогим, как нам кажется, что у нас есть – жизнью! Многие ли способны сейчас на такой подвиг?

Для большинства из нас эта ситуация скорее выглядит сумасшествием, абсурдом. Мы успокаиваем себя тем, что, мол, в первые века христианства люди были не такими, как мы; перефразируя Лермонтова, можно сказать: «Да, были люди в оно время, не то, что нынешнее племя... Богатыри, не мы...» Однако после прочтения жития святого Феодора совсем нет впечатления о том, что там рассказывается о супермэне. Но он также далек и от современного образа праведника с тремя основными занятиями в жизни: молиться, поститься, читать благочестивые книги.

У Феодора были такие же простые обычные желания, как и у любого из нас. Он наверняка любил повеселиться и пошутить, вкусно покушать, побывать с друзьями на каком-нибудь празднике, заглядывался на симпатичных девушек, возможно мечтал о блестящей карьере, о том что у него будет когда-то свой дом и семья. Наверное и грехи какие-то были. Но в тот единственный решающий момент все это в одночасье отошло на задний план и стало неважным, как бы потускнело. А вместо этого осталась только сияющая фигура Христа и тьма внешняя вокруг.

Так что же, истинный христоцентризм – это только мученичество? Оглянемся еще раз назад и вспомним тех, о ком мы говорили: император Юлиан, архиепископ Евдоксий, безымянные константинопольские христиане и сам мученик Феодор. Никто из них не был идеальным супергероем и никто не был идеальным суперзлодеем. В общем-то все они обычные люди со своими достоинствами и недостатками.

Однако каждому из них пришлось столкнуться с выбором, который определил не только их личную судьбу и возможность личного Спасения. От их выбора зависели судьбы и возможность Спасения других людей. Как и Феодор, архиепископ Евдоксий и его паства смогли в нужный момент разглядеть фигуру Христа и встать рядом с Ним. Юлиан же, несмотря на свою ученость, ослепленный ненавистью к своим двоюродным братьям, разглядел «Галилеянина» лишь в последние минуты своей жизни, когда делать выбор могло быть уже поздно.

Все это и проясняет тот запутанный вопрос, с которого мы начали разговор в этой статье. Мы сознаем свою греховность, и знаем, что спастись мы можем только через Христа. Но как? Это одновременно и просто, и сложно: «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть» (Мк. 14,38). Мы всегда должны находиться в молитвенном ожидании для кого-то единственного, а для кого-то и не единственного жизненного выбора, который определит нашу судьбу и судьбу людей вокруг нас.

Причем, вопреки бытующему мнению, сделать сам выбор совсем несложно. Что за выбор между Светом Христовым и тьмой? Трудность в том, чтобы очи нашего сердца были достаточно чистыми и незахламленными сучковатыми бревнами, чтобы в нужный момент распознать Спасителя на фоне миллиона несущественных вещей и событий. Именно ради этого, раз в году мы и пытаемся проводить генеральную уборку нашей души Великим Постом.

Дорогие усердные читатели, если Вы дочитали до этого места, у Вас может возникнуть резонный вопрос: «Написав так много о великомученике Феодоре Тироне, что Вы конкретно предлагаете? Мало того, что мы посещаем одну или несколько служб Великого канона, хотя бы одну из Литургий Преждеосвященных Даров, собираемся пойти на Литургию в воскресенье, так, по-Вашему, еще и в субботу надо прийти на службу?! Простите, но не у каждого есть возможность взять отпуск на всю седмицу, а по-другому никак не получится. Да и не везде служат, наверное.»

В нашей семье мы давно нашли ответ на этот вопрос. Память Феодора Тирона стала для нас одним из любимых семейных праздников. В этот день мы печем особый ржаной каравай с крестом, символизирующий, что Феодор, как поется в песнопении праздника, «огнем бо всесожжеся, и яко хлеб сладкий Троице принесеся». Конечно же делаем и коливо – пшеничную кашу, заправленную медом и разными сухофруктами. Кроме событий праздника она напоминает нам еще и важнейшие евангельские слова,

применимые и к святому великомученику: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.» (Ин 12,24-25) Готовим и другие постные блюда. Перед трапезой поем молебен святому Феодору с чтением канона, текст которого нетрудно найти в интернете. Наш сын всегда с нетерпением ждет окончания первой седмицы ради этого незатейливого, но очень теплого праздника.

Святой великомучениче Феодоре, моли Бога о нас!